

1

По мягкой земле зачарованного леса, раздирая весенние цветы, грохотали копыта. Рев и фырканье сухопутного келпи заглушали любые звуки погони Благого двора, и — что странно — я слышала лишь стук собственного сердца. А еще время от времени — ворчливую ругань Фаолана.

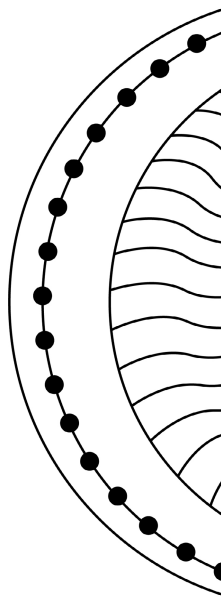
Спаслась. Меня ложно обвинили в убийстве моего отца — короля — и приговорили к казни через утопление, но я спаслась.

Я изо всех сил цеплялась за толстые сосульки в гриве келпи. Пусть мы с Фаоланом были втиснуты между двумя из трех пар крыльев на спине этого существа, мне вовсе не хотелось свалиться и поближе познакомиться с жуткими шипами на хвосте.

— Куда мы едем? — крикнула я через плечо.

Уникам же гребаный остров, тут куда ни беги, упрешься в океан.

Рука Фаолана сжалась крепче поверх подпоясанной мешковины, в которую

я была одета для казни. Его голос был хриплым и низким:

— Через реку, ваше величество.

Ваше величество... Ага, точно. Разве что на мгновение, где-то между тем, как горло короля Александра, когда он объявлял меня наследницей, пронзила стрела и Адэр завопила, что это я его прикончила.

Внезапный спазм желудка не имел ничего общего с бешеным темпом келпи — его вызвало свежее воспоминание о крови, хлеставшей из горла отца, но я задвинула его подальше. Первым делом нужно пережить этот день. А разобраться со всем дерьмом, что свалилось на голову, вполне можно и попозже.

Слегка изогнувшись, я посмотрела назад и побелела как полотно.

— У нас гости? — поинтересовался Лан так, будто мы тут обсуждали погоду.

Я сглотнула: за нами, судя по виду, неслась вся королевская гвардия и бóльшая часть Элиты. Не будь мы на келпи, нам бы ни за что не удалось вырваться из замка и забраться так далеко.

Снова повернувшись вперед, я ответила:

— Не думаю, что они хотят одолжить сахарку.

Лан направил келпи вдоль реки Данаан, и хоть вид наших «гостей» не вселял желания сдаться, бурлящая, покрытая белыми барашками вода заставила меня всерьез об этом задуматься.

Во рту пересохло.

— А может...

— Мы перейдем, — коротко сообщил Лан.

Блин. Я облизнула губы.

— Самое узкое место реки на территории людей...

— Мы перейдем прямо здесь.

Лан перенес вес вправо, келпи присел на мощных задних ногах, и крик застрял у меня в горле.

И мы взмыли в воздух. В груди сжалось, когда твердая земля сменилась ледяной темной водой, похожей на ту, где только что хотела меня утопить Адэр, — а потом каменистой почвой.

Когда крылатый конь прыгнул, из моих легких со свистом вырвался воздух, а сердце и вовсе, кажется, остановилось.

— Живая? — поддразнил Фаолан.

Ответила я не сразу. В настоящий момент, когда на меня неделями охотились, несправедливо обвиняли в уничтожении Андерхилл и жестоко обращались, честно говоря, я даже не была уверена. Но голос Лана пробился, по крайней мере, через страх воды, и мое сердце отмерло.

Я судорожно втянула воздух.

— Еще побрыкаюсь.

Но как долго — этого я сказать не могла. Мы только что пересекли границу двора Неблагих, территорию Лана, и это еще не значило ничего хорошего. Благие и Неблагие, полные противоположности, уравновешивали друг друга магически. Мы были созданы веками жить бок о бок, не соприкасаясь, не смешиваясь, поддерживая равновесие жизни и смерти.

На стороне реки Благих росли деревья с толстыми стволами и густыми зелеными кронами, и все это мерцало, будто усыпанное блестками. Пусть Неблагие и сохранили блеск на радость туристам, деревья тут были тонкими, корявыми, окруженными колючим кустарником. Прямо-таки задавали тон более мрачному двору.

Более жестким правилам. Более суровым сердцам.
Более прагматичным нравам.

По крайней мере, так мне говорили — хотя то же самое я наблюдала и среди двора Благоих.

— А почему для отступления ты выбрал именно Неблагой двор? — осмелилась спросить я, бросив еще один взгляд назад.

Гвардия как раз достигла берега реки. Там они встали, и я отчетливо представила себе их дилемму. Пересечь ли границу, рискнуть навлечь гнев королевы Неблагих? Вопрос на миллион баксов.

Разрешено ли им вообще принимать такие решения? А если нет, то кому хватит храбрости отдать приказ и потом отдуваться перед королевой-консортом, которая будет всюю гореть жаждой мести?

— Потому что больше идти некуда. План по спасению, который выдала Цинт, был полон задора, но хромал со стороны логистики.

Как только мы скрылись из виду, Лан замедлил келпи, тихонько зашептав что-то волшебному существу.

Мои губы сами собой растянулись в улыбке.

— Так это Цинт все провернула?

— А ты ждала меньшего? Насколько я знаю, до Рубе-заля дошли слухи, что Благой двор взял тебя в плен. Для твоего спасения Цинт сразу же поставила всех на уши.

— У нее же был план, как потом сбежать? — От мысли, что Цинт могли схватить, все нутро скрутилось жестоким узлом.

— Она в безопасности, — отозвался Лан. — Прикрыла следы маскирующими чарами.

Я закрыла глаза и выдохнула. Хорошо.

— Руби тоже там был.

— Нет. Он отправил Бродяг, но сам не явился.

Хм. Видимо, красный клест на плече Бреса все-таки не был аватаром. Меня терзали сомнения, но, с другой стороны, я болталась на пороге смерти, и в голове крутились далеко не все шестеренки.

Снова открыв глаза, я уставилась на колючие кусты, которые мешали келпи бежать. Чем ближе был Благой двор, тем более ухоженным становился лес. Здесь же на нас со всех сторон давила дикая природа, явно намекая, что продолжать путь не стоит.

Я потеряла руку — по голой коже хлестнула тонкая ветка.

— И как Цинт втянула тебя в такое дело?

— Мы... пересекались, — натянуто произнес Фаолан. — Я за тобой присматривал.

Я часто заморгала и сжала зубы, чувствуя, как к щекам приливает кровь. Память мне явно изменяет, ведь за тем, что дражайший папочка нарек меня наследницей, а мачеха попыталась убить, я совсем забыла о роли Лана во всем этом.

— А ты красиво завуалировал то, что с самого гребаного начала шпионишь за мной по приказу королевы Неблагих.

Не поэтому ли он меня поцеловал? Чтобы удержать рядом? Глупая мысль прямо въелась мне в голову и, как бы ни была ненавистна, право на существование имела.

Мягкая поступь келпи сменилась звонким стуком по неровной брусчатке. Мне хватило смелости побывать при Неблагом дворе лишь раз, во время школьной экскурсии, которая, казалось, случилась целую вечность назад. И если при нашем дворе во главе всего стояло твое положение — у кого оно есть, а у кого его нет, —

то их королева не делила своих подданных по чинам. Каждый Неблагой был сам за себя. Находил себе угол, и если мог его отстоять, то в нем и жил.

Лан у меня за спиной молчал.

— Повтори, как ты там говорил своему другу? — произнесла я саркастически. — Королеве я нужна живой, так? Скажи-ка мне, внук Луга, как давно ты знаешь, кто я на самом деле?

При упоминании рода Лан вздрогнул.

— С тех пор, как королева отдала мне приказ. Она рассказала, чтобы я осознал всю серьезность возложенной на меня задачи.

Все это время он знал. Теперь все его маленькие проявления доброты обрели смысл. Завтрак, флирт, поцелуй. Чтобы удержать меня рядом, Лан забил на свою естественную склонность меня недооценивать.

Очаровательно.

Нет слов — что в моем случае редкость.

Лан обхватил мою талию крепче.

— Ты же знаешь, я дал клятву подчиняться ее приказам. В этом вопросе у меня нет выбора, что бы я ни чувствовал.

Я вскинула брови, обретая дар речи:

— И ты превзошел сам себя, Лан. Слушай, можешь собой гордиться. Обязательно запилю тебе отзыв на пять звезд за актерские способности. Они впечатляют, уж поверь мне на слово.

Потому что, когда мы пробирались через лес, Лан поцеловал меня так, будто в мире больше никого не существовало. Я по глупости начала верить, что мы команда, что в этой неразберихе мы вместе. Что я могла ему почти...

Почти довериться.

Я сжала губы и отлепила от себя руку Лана, одновременно выпрямляясь, чтобы отодвинуться от него подальше, насколько это возможно на спине келпи. Ведь мне вообще не следовало приближаться. И я больше не осмелюсь.

Он начал что-то говорить, но я со злостью затрясла головой.

— Не сто́ит. Спасибо, что вытащил меня из замка Благих, но я заслуживаю много большего, чем то, как ты обращался со мной последние несколько недель. И вовсе не из-за того, кто мой отец. Кем был мой отец.

Да, пошла я с этой своей глупой девичьей влюбленностью в плохого парня с добрым сердцем!

Лан умолк, и мы двинулись вверх по восточному склону к замку. Темные камни окаймлял мох, тут и там между ними пробивались маленькие растения — что, наверное, было бы приятно, не окажись они черными, а ягоды на них — кроваво-красными.

Когда мы миновали парапет, я сдержала дрожь. Стражники уставились на меня, потом перевели недоверчивые взгляды на фейри, сидящего за мной, и неохотно отошли в сторону. Келпи остановился перед обитыми железом дверями замка, и я соскользнула с его спины, зашипев от боли, когда запястья проехали по светло-голубой с белым шкуре, оставляя красные пятна. Железные кандалы Благих стражей неплохо мне навредили.

Черпая синие нити энергии из камней под ногами, я подпитала свою магию индиго и заглушила боль, после чего поблагодарила камни за помощь. Под ногами тут же разрослась маленькая полянка ярко-зеленого мха, и стражники вновь наградили меня мрачными взглядами.

Да и пофиг. У меня такой денек выдался, что пусть подавятся.

Слуги из числа людей, не поднимая взгляда, распахнули двери, и Фаолан шагнул вперед меня в зловещее обиталище королевы Елисаваны. В отличие от золотого сияния холла в замке Благих, мы сразу же попали в длинный гостевой зал с низким потолком, неприветливый и холодный в равной степени. Мои шаги отдавались эхом от темного камня, я следовала за Ланом по коридору, пытаюсь подготовиться к встрече, — а это нелегко сделать, когда на тебе платье из мешковины и ты вся в царапинах и крови. Еще и желудок громко заурчал, отчего стало еще неуютней.

Фаолан, напряженно застыв, остановился перед неприметной деревянной дверью. Бросил на меня взгляд — лишь мельком, но я успела увидеть, что драгоценный блеск его темных радужек стал еще хаотичнее, чем прежде.

— Сиротка...

— Чего? — Я скрестила руки на груди.

Дверь распахнулась внутрь. За ней, ухмыляясь, стоял королевский стражник.

— Мы не будем ждать весь день, Благой. Нам всем не терпится услышать, как ты давеча облажался.

Я нахмурилась, глядя то на него, то на Лана. Но это была не дружеская подначка. Друзьями они вовсе не были, если судить по побелевшим от ярости, сжатым губам Фаолана.

Он шагнул к стражнику и уставился ему в глаза.

— Для этого тебе придется отойти, солдат.

— Тогда у тебя проблемка, — последовал насмешливый ответ.

Лан опустил руку на клинок.

— Разве?

Стражник опустил глаза на эфес меча, и в них мелькнуло что-то холодное, прежде чем он поднял их снова. Он выдавил улыбку.

— Да я просто дурачусь, Благой. Королева Елисавана с нетерпением ожидает объяснений произошедшего.

Это... не предвещало мне ничего хорошего.

Стражник посторонился, и я прошла мимо, бесстрашно встретив его взгляд. Он — ничто по сравнению с замесом с гигантами или драками с мерцающими серыми духами.

Я думала, что увижу холодный пустой зал совета, поэтому была удивлена покрывающим стены плотным гобеленом и теплоте огня в очаге. Не оправдалось и другое ожидание: королева не восседала на троне, а стояла перед столом, уставленным едой.

Фаолан остановился и отвесил низкий поклон.

— Ваше величество.

— Выпрямись, внук Луга, — произнесла королева мягким тоном, от которого у меня по спине пробежал холодок. — И поведай мне, почему я только что получила послание от королевы-консорта Адэр, которое звучало почти как угроза.

Это меня заинтересовало. Я была всецело уверена, что Адэр влезет на трон сама.

— Кто новый король? — спросила я.

— Как-там-его-зад, — ответила королева с легким взмахом руки, скользнув пальцами по воздуху. — Вечно забываю его имя. Младший брат Александра. Бестолковый, пухлый, не отобьется и от комаров, даже если они высосут у него всю кровь.

Живописно. И метко.

Я перестала хмуриться. Ну конечно. После меня престол наследует дядя Джозеф. Я припомнила, как он утешал Адэр на моей казни. Я бы задалась вопросом, не дядюшка ли стоял за смертью моего отца и попыткой от меня избавиться, вот только Елисавана права: тяги к убийству в нем ни на грамм.

— Обращаясь ко мне, нужно соблюдать этикет. —
Голос королевы не изменился, но на меня нахлынула новая волна тревоги.

Я поклонилась — как была, в рубище.

— Прошу прощения, ваше величество.

Холодный взгляд голубых глаз наконец остановился на моем лице, но тут же переметнулся к Фаолану.

— Зачем ты ее привел?

Лан держался более непринужденно.

— Я следовал приказам.

Королева фыркнула и изящным движением запы-
стья забросила в рот ягодку малины.

— Действительно.

— Я не так их понял, ваше величество?

— Есть вопрос получше: понял ли ты их вообще? —
Выражение лица королевы стало суровым. — Я пере-
говорю с тобой позже вечером, внук Луга.

Его совершенно ясно отправили прочь, а вот мне разрешения уйти она не дала.

И во что Лан теперь меня втянул? В очередную казнь?

Фаолан бросил взгляд в мою сторону и открыл было рот, но, похоже, передумал возражать. Может, из-за моего ледяного, мрачного вида?

Королева поманила меня к огню, и я, отвернувшись от Лана, к ней присоединилась. Пока мы усаживались,

дверь закрылась. Мельком оглянувшись, я удостоверилась, что мы одни, если не считать стражника с ухмылочкой в дальнем конце комнаты.

— Каллик из Королевского Дома, — произнесла королева, расправляя темно-серое шифоновое платье так, чтобы оно ниспадало царственными складками. — Ты приносишь с собой множество бед.

Я кивнула.

— Королевская гвардия перешла реку, ваше величество?

Нужно ли каждый раз говорить «ваше величество»? Впрочем, лучше перебдеть.

Королева растянула губы в улыбке, но в ней не было ни капли тепла. У Адэр подобное выражение лица могло бы показаться жеманным. Эта, я уверена, убьет одним щелчком пальцев.

Так что это утешало.

— Они бы не посмели, — ответила королева. — Пока что.

Я вопросительно склонила голову.

Елисавана повела плечом.

— Есть не так много причин, по которым Благой двор рискнул бы нас разозлить. Одна из них — смерть их короля. Адэр хочет твоей крови, Каллик. Чтобы добраться до тебя, она готова пролить кровь моих подданных. Даже если придется развязать войну.

— Я не убивала короля, — перебила ее я.

Елисавана слегка приподняла брови.

— Да? И должна ли я также поверить, что ты не причастна к гибели Андерхилл?

Так. Я, кажется, дошла до грани, поскольку мои брови поползли вверх, а внутри вспыхнул гнев.